

Рассказ Рикки-Тикки-Тави

Это рассказ о великой войне, которую Рикки-Тикки-Тави вел в одиночку в ванной комнате просторного бунгало в Сеговлийском военном поселении. Дарси, птица-портной, помогал ему; Чучундра, мускусная крыса, которая никогда не выходит на середину комнаты и всегда крадется по стенам, дала ему совет; тем не менее по-настоящему сражался один Рикки-Тикки.

Он был мангуст, мехом и хвостом он походил на кошечку, но его голова и нрав напоминали ласку. Его глаза и кончик беспокойного носа были розовые; любой лапкой, передней или задней, он мог почесывать себя везде, где угодно; мог распушить свой хвост, делая его похожим на щетку для ламповых стекол, а когда он несся через высокую траву, его боевой клич был: рикк-тикк-тикки-тикки-так.

Однажды в середине лета ливень вымыл его из норы, в которой он жил со своими отцом и матерью, и унес барахтающегося и цокающего зверька в придорожную канаву. Рикки-Тикки увидел там плывущий комок травы, изо всех сил ухватился за него и наконец потерял сознание. Когда зверек очнулся, он, сильно промокший, лежал на середине садовой дорожки под знойными лучами солнца; над ним стоял маленький мальчик и говорил:

- Вот мертвый мангуст. Устроим ему похороны.

- Нет, - ответила мать мальчика. - Унесем зверька к нам домой и обсушим его. Может быть, он еще жив.

Они внесли его в дом; очень высокий человек взял Рикки-Тикки двумя пальцами и сказал, что зверек не умер, а только почти задохнулся; Рикки-Тикки завернули в вату и согрели, он открыл глаза и чихнул.

- Теперь, - сказал высокий человек (это был англичанин, который только что поселился в бунгало), - не пугайте его, и посмотрим, что он станет делать.

Труднее всего в мире испугать мангуста, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангустов «Беги и узнай», а Рикки-Тикки был истинным мангустом. Он посмотрел на вату, решил, что она не годится для еды, обежал вокруг стола, сел и привел в порядок свою шерстку, почесался и вскочил на плечо мальчика.

- Не бойся, Тедди, - сказал мальчику отец. - Так он знакомится с тобой.

- Ох, щекотно, он забрался под подбородок.

Рикки-Тикки заглянул в пространство между воротником Тедди и его шеей, понюхал его ухо, наконец сполз на пол, сел и почесал себе нос.

- Боже милостивый, - сказала мать Тедди, - и это дикое создание! Я думаю, он такой ручной, потому что мы были добры к нему.

- Все мангусты такие, - ответил ей муж. - Если Тедди не станет дергать его за хвост, не посадит в клетку, он будет целый день то выбегать из дому, то возвращаться. Покормим его чем-нибудь.

Зверьку дали кусочек сырого мяса. Оно понравилось Рикки-Тикки; поев, мангуст выбежал на веранду, сел на солнце и поднял свою шерсть, чтобы высушить ее до самых корней. И почувствовал себя лучше.

- В этом доме я скоро узнаю гораздо больше, - сказал он себе, - чем все мои родные могли бы узнать за целую жизнь. Конечно, я останусь здесь и все рассмотрю.

Он целый день бегал по дому, чуть не утонул в ванне, засунул носик в чернильницу на письменном столе, обжег его о конец сигары англичанина, когда взобрался на его колени, чтобы посмотреть, как люди едят. Когда наступил вечер, мангуст забежал в детскую Тедди, чтобы видеть, как зажигают керосиновые лампы; когда же Тедди лег в постель, Рикки-Тикки влез за ним и оказался беспокойным товарищем: он ежеминутно вскакивал, прислушивался к каждому шороху и отправлялся узнать, в чем дело. Отец и мать Тедди пришли в детскую посмотреть на своего мальчика; Рикки-Тикки не спал, он сидел на подушке.

- Это мне не нравится, - сказала мать мальчика, - он может укусить Тедди.

- Мангуст не сделает ничего подобного, - возразил ее муж. - Близ этого маленького зверька Тедди в большей безопасности, чем был бы под охраной негрской собаки. Если бы в детскую теперь заползла змея...

Но мать Тедди не хотела и думать о таких ужасных вещах.

Рано утром Рикки-Тикки явился на веранду к первому завтраку, сидя на плече Тедди. Ему дали банан и кусочек вареного яйца. Он посидел поочередно на коленях у каждого, потому что всякий хорошо воспитанный мангуст надеется со временем сделаться домашним животным и бегать по всем комнатам, а мать Рикки-Тикки (она

жила в доме генерала в Сеговли) старательно объяснила ему, как он должен поступать при встрече с белыми.

После завтрака Рикки-Тикки вышел в сад, чтобы хорошенько осмотреть его. Это был большой, только наполовину возделанный сад с кустами роз «Марешаль Ниель» такой высоты, какой они достигают только в оранжереях, с лимонными и апельсиновыми деревьями, с зарослями бамбука и чащами густой, высокой травы. Рикки-Тикки облизнул губы.

- Какой превосходный участок для охоты, - сказал он; от удовольствия его хвост распушился, как щетка для ламповых стекол, и он стал шнырять взад и вперед по саду, нюхая там и сям, и наконец среди ветвей терновника услышал очень печальные голоса. Там сидели Дарси, птица-портной, и его жена. Соединив два листа и сшив их краешки листовыми фибрами, они наполнили пустое пространство между ними ватой и пухом, таким образом устроив прекрасное гнездо. Гнездо покачивалось, птицы сидели на его краю и плакали.

- В чем дело? - спросил Рикки-Тикки.

- Мы очень несчастны, - сказал Дарси. - Один из наших птенцов вчера выпал из гнезда, и Наг съел его.

- Гм, - сказал Рикки-Тикки, - это очень печально, но я здесь недавно. Кто это Наг?

Дарси и его жена вместо ответа притаились в своем гнезде, потому что из-под куста донеслось тихое шипение - ужасный холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить на два фута назад. И вот из травы, дюйм за дюймом, показалась голова, а потом и раздутая шея Нага, большой черной кобры, имевшей пять футов длины от языка до хвоста. Когда Наг поднял треть своего тела, он остановился, покачиваясь взад и вперед, точно колеблемый ветром куст одуванчиков, и посмотрел на Рикки-Тикки злыми змеиными глазами, никогда не изменяющими выражения, о чем бы ни думала змея.

- Кто Наг? - сказал он. - Я - Наг! Великий бог Брама наложил на весь наш род свой знак, когда первая кобра раздула свою шею, чтобы охранять сон божества. Смотри и бойся!

Наг еще больше раздул свою шею, и Рикки-Тикки увидел на ней знак, который так походил на очки и их оправу. На минуту он испугался; но мангуст не может бояться долго; кроме того, хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, его мать

приносила ему для еды кобр мертвых, и он отлично знал, что жизненная задача взрослого мангуста – сражаться со змеями и поедать их. Наг тоже знал это, и в глубине его холодного сердца шевелился страх.

– Хорошо, – сказал Рикки-Тикки, и шерсть его хвоста начала подниматься, – все равно, есть на тебе знаки или нет, ты не имеешь права есть птенчиков, выпавших из гнезда.

Наг думал, в то же время он наблюдал за легким движением в траве позади Рикки-Тикки. Он знал, что, раз в саду поселятся мангустаны, это рано или поздно повлечет за собой его смерть и гибель его семьи, и ему хотелось заставить Рикки-Тикки успокоиться. Поэтому он немного опустил голову и наклонил ее на одну сторону.

– Поговорим, – сказал Наг, – ты же ешь яйца. Почему бы мне не есть птиц?

– Позади тебя! Оглянись! – пропел Дарси.

Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам. Он подскочил как можно выше, и как раз под ним со свистом промелькнула голова Нагайны, злой жены Нага. Пока он разговаривал с Нагом, вторая кобра подкрадывалась к нему сзади, чтобы покончить с ним; теперь, когда ее удар пропал даром, Рикки-Тикки услышал злобное шипение. Он опустил лапки почти поперек спины Нагайны, и, будь Рикки-Тикки старым мангустом, он понял бы, что ему следует, куснув ее один раз, сломать ей спину; но он боялся страшного поворота головы кобры. Конечно, Рикки кусал змею, но недостаточно сильно, недостаточно долго и отскочил от ее хлеставшего хвоста, бросив раненую и рассерженную Нагайну.

– Злой, злой Дарси, – сказал Наг, поднимаясь насколько мог по направлению к гнезду на кусте терновника; но Дарси так устроил свое жилище, что оно было недоступно для змей и только слегка покачивалось.

Глаза Рикки-Тикки покраснели, и к ним прилила кровь (когда глаза мангуста краснеют, это значит, что он сердится); зверек сел на свой хвост и задние лапки, как маленький кенгуру, огляделся кругом и зацокал от бешенства. Наг и Нагайна исчезли в траве. Если змее не удастся нападение, она ничего не говорит и ничем не показывает, что собирается сделать дальше. Рикки-Тикки не стал отыскивать кобр; он не был уверен, удастся ли ему справиться сразу с двумя змеями. Поэтому мангуст пробежал на усыпанную дорожку подле дома, сел и стал думать. Ему предстояло важное дело.

В старинных книгах по естественной истории вы прочтаете, что укушенный змеей мангуст прекращает борьбу, отбегает подальше и съедает какую-то травку, которая

исцеляет его. Это неправда. Мангуст одерживает победу только благодаря скорости своего взгляда и ног; удары змеи состязаются с прыжками мангуста, а так как никакое зрение не в силах уследить за движением головы нападающей змеи, победу зверька можно считать удивительнее всяких волшебных трав. Рикки-Тикки знал, что он молодой мангуст, а потому тем сильнее радовался при мысли о своем спасении от удара, направленного сзади. Все случившееся внушило ему самоуверенность, и, когда на дорожке показался бегущий Тедди, Рикки-Тикки был не прочь, чтобы он его приласкал.

Как раз в ту секунду, когда Тедди наклонился к нему, что-то слегка зашевелилось в пыли и тонкий голос сказал:

- Осторожнее. Я смерть!

Это была карэт, коричневатая змейка, которая любит лежать в пыли. Ее укус так же опасен, как укус кобры. Но коричневая змейка так мала, что никто о ней не думает, и потому она приносит людям особенно много вреда.

Глаза Рикки-Тикки снова покраснели, и он подскочил к карэт тем особенным покачивающимся движением, которое унаследовал от своих родичей. Это смешная походка, но благодаря ей зверек остается в таком совершенном равновесии, что может кинуться на врага под каким ему угодно углом, а когда дело идет о змеях – это великое преимущество.

Рикки-Тикки не знал, что он решился на более опасную вещь, чем бой с Нагом! Ведь карэт так мала и может поворачиваться так быстро, что, если бы Рикки-Тикки не схватил ее подле затылка, она опрокинулась бы и укусила его в глаз или губу. Но Рикки этого не знал; его глаза горели, и он прыгал взад и вперед, отыскивая, где бы лучше захватить карэт. Карэт кинулась. Рикки прыгнул в сторону на всех четырех лапках и попытался кинуться на нее, но маленькая злобная пыльно-серая голова промелькнула близ самого его плеча, ему пришлось перескочить через тело змеи, ее голова направилась за ним и почти коснулась его.

Тедди повернулся к дому и закричал:

- О, смотрите! Наш мангуст убивает змею!

Почти тотчас же Рикки услышал испуганное восклицание матери Тедди; отец мальчика выбежал в сад с палкой, но к тому времени, когда он подошел к месту боя, карэт слишком вытянулась, Рикки-Тикки сделал прыжок, вскочил на спину змеи и, прижав ее

голову своими передними лапами, укусил в спину как можно ближе к голове, потом отскочил в сторону. Его укус парализовал карэт. Рикки-Тикки уже собирался приняться есть змею, по обычаю своего семейства, начиная с хвоста, как вдруг вспомнил, что сытый мангуст неповоротлив и что, если он желает быть сильным, ловким и проворным, ему необходимо остаться голодным.

Он отошел, чтобы выкупаться в пыли под кустами клещевины. В это время отец Тедди колотил палкой мертвую карэт.

«Зачем? – подумал Рикки-Тикки. – Я же покончил с ней!»

Мать Тедди подняла мангуста из пыли и приласкала его, говоря, что он спас от смерти ее сына; отец Тедди заметил, что мангуст – их счастье, а сам Тедди смотрел на всех широко открытыми испуганными глазами. Эта суета забавляла Рикки-Тикки, который, понятно, не понимал ее причины. Мать Тедди могла бы с таким же успехом ласкать Рикки за то, что он играл в пыли. Но Рикки-Тикки было весело.

В этот вечер за обедом мангуст расхаживал взад и вперед по столу и мог бы три раза всласть наестся всяких вкусных вещей, но он помнил о Наге и Нагайне, и, хотя ему было очень приятно, когда мать Тедди гладила и ласкала его, хотя ему нравилось сидеть на плече самого Тедди, время от времени его глазки вспыхивали красным огнем и раздавался его продолжительный боевой крик: рикк-тикк-тикки-тикки-так!

Тедди отнес его к себе в постель и хотел непременно уложить его под своим подбородком. Рикки-Тикки был слишком хорошо воспитан, чтобы укусить или оцарапать мальчика, но, едва Тедди заснул, мангуст соскочил на пол, отправился осматривать дом и в темноте натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая крапалась по стене. Чучундра – маленький зверек с разбитым сердцем. Целую ночь она хнычет и пищит, стараясь заставить себя выбежать на середину комнаты, но никогда не решается на это.

– Не убивай меня, – чуть не плача, попросила Чучундра. – Не убивай меня, Рикки-Тикки!

– Разве ты думаешь, что победитель змей убивает мускусных крыс? – презрительно сказал Рикки-Тикки.

– Тот, кто убивает змей, бывает убит змеями, – еще печальнее произнесла Чучундра. – И разве я могу быть уверена, что когда-нибудь в темную ночь Наг не примет меня за тебя?

- Этого нечего бояться, - сказал Рикки-Тикки, - кроме того, Наг в саду, а ты, я знаю, не выходишь туда.

- Моя родственница Чуа, крыса, сказала мне... - начала Чучундра и замолчала.

- Что сказала?

- Тсс! Наг повсюду, Рикки-Тикки. Тебе следовало бы поговорить в саду с крысой Чуа.

- Я не говорил с ней, значит, ты должна сказать мне все. Скорее, Чучундра, не то я тебя укушу!

Чучундра села и заплакала, слезы покатились по ее усам.

- Я несчастна, - прорыдала она. - У меня нет мужества выбежать на середину комнаты. Тсс! Я не должна ничего тебе говорить. Разве ты сам не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки прислушался. В доме было тихо-тихо, однако ему казалось, что он может уловить невероятно слабый «скрип-скрип» - звук не сильнее скрипа лап осы, бродящей по оконному стеклу, - сухой скрип змеиной чешуи по кирпичам.

«Это Наг или Нагайна, - мысленно сказал себе Рикки-Тикки, - и змея ползет в сточный желоб ванной комнаты. Ты права, Чучундра, мне следовало поговорить с крысой Чуа».

Он тихо вошел в ванную комнату Тедди, там не было ничего, потом заглянул в ванную комнату матери мальчика. Здесь в гладкой оштукатуренной стене, внизу, был вынут кирпич для стока воды, и, когда Рикки-Тикки крался мимо ванны, вмазанной в пол, он услышал, что за стеной, снаружи, Наг и Нагайна шепчутся при свете месяца.

- Когда дом опустеет, - сказала мужу Нагайна, - ему придется уйти, и тогда мы снова всецело завладеем садом. Тихонько вползи и помни: прежде всего нужно укусить большого человека, который убил карэт. Потом вернись, расскажи мне все, и мы вместе поохотимся на Рикки-Тикки.

- А уверена ли ты, что мы достигнем чего-нибудь, убив людей? - спросил Наг.

- Всего достигнем. Разве в саду были мангусты, когда никто не жил в бунгало? Пока дом пуст, мы в саду король и королева; и помни, едва на грядке с дынями лопнут яйца (а это может случиться завтра), нашим детям понадобится спокойствие и простор.

- Я не подумал об этом, - сказал Наг. - Я вползу, но нам незачем преследовать Рикки-Тикки. Я убью большого человека, его жену и ребенка, если это будет возможно, и вернусь. Бунгало опустеет, и Рикки-Тикки уйдет сам.

Рикки-Тикки весь дрожал от ярости и ненависти, но вот из желоба показалась голова Нага, а потом и пять футов его холодного тела. Как ни был рассержен Рикки-Тикки, но, увидав размер громадной кобры, он почувствовал страх. Наг свернулся, поднял свою голову и посмотрел в темную ванную комнату; Рикки заметил, что его глаза блестят.

«Если я убью его здесь, это узнает Нагайна, кроме того, если я буду биться с ним посреди пола, вся выгода окажется на его стороне. Что мне делать?» - подумал Рикки-Тикки-Тави.

Наг извивался в разные стороны, и скоро мангуст услышал, что он пьет из самого большого водяного кувшина, которым обыкновенно наполняли ванну.

- Вот что, - сказал Наг, - большой человек убил карэт палкой. Может быть, эта палка все еще у него, но утром он придет купаться без нее. Я дождусь его здесь. Нагайна, ты слышишь? Я до утра буду ждать здесь, в холодке.

Снаружи не послышалось ответа, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна уползла. Наг принялся укладываться в большой кувшин, обвивая кольцами своего тела выпуклость на его дне, а Рикки-Тикки сидел тихо, как смерть. Прошел час, мангуст медленно, напрягая одну мышцу за другой, двинулся к кувшину. Наг спал, и, глядя на его широкую спину, Рикки спрашивал себя, в каком месте лучше всего схватить кобру зубами. «Если при первом же прыжке я не переломлю ему хребта, - подумал Рикки, - он будет биться, а борьба с Нагом... О Рикки!»

Он измерил взглядом толщину змеиной шеи, но она была слишком широка для него; укусив же кобру подле хвоста, он только привел бы ее в бешенство.

«Лучше всего вцепиться в голову, - мысленно сказал он себе наконец, - в голову повыше капюшона; впустив же в Нага зубы, я не должен разжимать их».

Он прыгнул. Голова змеи слегка выдавалась из водяного кувшина и лежала ниже его горлышка. Как только зубы Рикки сомкнулись, мангуст уперся спиной о выпуклость красного глиняного кувшина, чтобы удержать голову змеи. Это дало ему секунду выгоды, и он хорошо воспользовался ею. Но Наг тотчас же принялся трясти его, как собака трясет крысу; таскал его взад и вперед по полу, вскидывал, опускал, размахивал им, но глаза мангуста горели красным огнем, и он не разжимал своих

зубов. Змея волочила его по полу; жестяной ковшик, мыльница, тельная щетка – все разлетелось в разные стороны. Рикки ударился о цинковую стенку ванны и сильнее сжал свои челюсти. Рикки ради чести своей семьи желал, чтобы его нашли с сомкнутыми зубами. Голова у него кружилась. Вдруг раздалось что-то вроде громового удара; ему представилось, будто он разлетается на куски; горячий воздух обдал его, и он лишился чувств; красный огонь опалил его шерстку. Шум разбудил большого человека, и он выстрелил из обоих стволов своего ружья в голову Нага, выше расширения шеи кобры.

Рикки-Тикки не открывал глаз; он был вполне уверен, что его убили; но змеинная голова не двигалась, и, подняв зверька, англичанин сказал:

- Это опять мангуст, Элис; малыш спас теперь наши жизни.

Пришла мать Тедди, совсем бледная, посмотрела и увидела то, что осталось от Нага. Между тем Рикки-Тикки проковылял в спальню Тедди и половину оставшейся ночи тихонько обследовал себя, чтобы узнать, действительно ли, как ему казалось, его кости переломаны в сорока местах.

Утром он почувствовал утомление во всем теле, но был очень доволен тем, что ему удалось совершить.

«Теперь мне следует разделаться с Нагайной, хотя она будет опаснее пяти Нагов; кроме того, никто не знает, когда лопнут яйца, о которых она упоминала. Да, да, я должен поговорить с Дарси», – сказал себе мангуст.

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к терновому кусту, где Дарси во весь голос распевал торжествующую песню. Известие о смерти Нага разошлось по саду, потому что уборщик бросил его тело на кучу мусора.

- Ах ты, глупый пучок перьев! – сердито сказал Рикки-Тикки. – Время ли теперь петь?

- Наг умер, умер, умер! – пел Дарси. – Храбрый Рикки-Тикки схватил его за голову и крепко сжал ее. Большой человек принес гремучую палку, и Наг распался на две части. Никогда больше не будет он поедать моих птенцов.

- Все это верно, но где Нагайна? – внимательно осматриваясь, спросил Рикки-Тикки.

- Нагайна приблизилась к отводному желобу ванной комнаты и позвала Нага, – продолжал Дарси. – И Наг показался на конце палки; уборщик проколол его концом

палки и бросил на мусорную кучу. Воспоем же великого красноглазого Рикки-Тикки!

Горлышко Дарси надулось, и он продолжал петь.

- Если бы только я мог добраться до твоего гнезда, я вышвырнул бы оттуда всех твоих детей, - сказал Рикки-Тикки. - Ты не умеешь ничего делать в свое время. В твоём гнезде тебе не грозит опасность, но здесь, внизу, у меня идет война. погоди петь минуту, Дарси.

- Ради великого, ради прекрасного Рикки-Тикки я замолчу, - сказал Дарси. - Что тебе угодно, о победитель страшного Нага?

- Где Нагайна, в третий раз спрашиваю тебя?

- На мусорной гряде, подле конюшни; она оплакивает Нага! Великий Рикки-Тикки с белыми зубами!

- Брось ты мои белые зубы. Слышал ли ты, где ее яйца?

- На ближайшем к ограде конце дынной гряды; там, куда почти целый день светит солнце. Несколько недель тому назад она зарыла их в этом месте.

- А ты не подумал сказать мне о них? Так, значит, подле стены?

- Но ты же не съешь ее яйца, Рикки-Тикки?

- Не могу сказать, чтобы я собирался именно съесть их, нет. Дарси, если у тебя есть хоть капля ума в голове, лети к конюшне, притворись, будто у тебя сломано крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой вплоть до этого куста. Я должен пройти к дынной гряде, но, если я побегу туда теперь, она заметит меня.

Дарси был маленьким созданием с птичьим мозгом, в котором никогда не помещается больше одной мысли сразу; только потому, что дети Нагайны рождались в яйцах, как его собственные, ему показалось, что убивать их нечестно. Зато его жена была благоразумной птичкой и знала, что яйца кобры предвещают появление молодых кобр. Итак, она вылетела из гнезда, предоставив Дарси согреть птенцов и продолжать воспевать смерть Нага. В некоторых отношениях Дарси очень напоминал человека.

Птичка стала перепархивать перед Нагайной подле кучи мусора, крича:

– Ах, мое крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камнем и перебил его. – И она запорхала еще отчаяннее прежнего.

Нагайна подняла голову и прошипела:

– Ты предупредила Рикки-Тикки, когда я могла убить его. Поистине ты выбрала дурное место ковылять. – И, скользя по слою пыли, кобра двинулась к жене Дарси.

– Мальчик камнем перебил мое крыло! – выкрикнула птица Дарси.

– Ну, может быть, для тебя послужит утешением, если я скажу, что, когда ты умрешь, я сведу счеты с этим мальчиком. Теперь утро, и мой муж лежит на гряде мусора, а раньше, чем наступит ночь, мальчик будет неподвижно лежать в доме. Зачем ты убегаешь? Я все равно тебя поймаю. Дурочка, посмотри-ка на меня.

Но жена Дарси отлично знала, что этого делать не нужно, потому что, взглянув в глаза змеи, птица так пугается, что теряет способность двигаться. С грустным писком жена Дарси продолжала трепетать крыльями и убегать, не поднимаясь от земли. Нагайна поползла быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они двигаются по дорожке от конюшни, и помчался к ближайшему от ограды концу дынной гряды. Там, на горячем удобрении и очень хитро скрытые между дынями, лежали змеиные яйца, всего двадцать пять штук, размером вроде яиц бентамов (порода кур), но с беловатой кожистой оболочкой, а не в скорлупе.

«Я не пришел раньше времени», – подумал Рикки.

Сквозь кожистую оболочку он разглядел внутри яиц свернувшихся детенышей кобры, а ему было известно, что каждый едва вылупившийся змееныш может убить человека или мангуста. Он как можно быстрее надкусил верхушки яиц, не забыв старательно раздавить маленьких кобр. Время от времени мангуст смотрел, не пропустил ли он хоть одного яйца. Вот осталось только три, и Рикки-Тикки стал уже посмеиваться про себя, как вдруг до него долетел крик жены Дарси:

– Рикки-Тикки, я увела Нагайну к дому, она вползла на веранду... О, скорее, она хочет убивать!

Рикки-Тикки раздавил два яйца, скатился с гряды и, захватив третье в рот, побежал к веранде, очень быстро перебирая ногами. Там за ранним завтраком сидели Тедди, его отец и мать, но Рикки-Тикки сразу увидел, что они ничего не едят. Они не двигались,

как каменные, и их лица побелели. На циновке, подле стула Тедди, лежала свернувшаяся Нагайна, и ее голова была на таком расстоянии, что она ежеминутно могла укусить голую ножку мальчика. Кобра покачивалась взад и вперед и пела торжествующую песню.

- Сын большого человека, убившего Нага, - шипела она, - не двигайся! Я еще не готова. Погоди немножко. Не двигайтесь все вы трое. Если вы пошевелитесь, я укушу; если вы не пошевелитесь, я тоже укушу. О, глупые люди, которые убили моего Нага!

Тедди не спускал глаз с отца, а его отец мог только шептать:

- Сиди неподвижно, Тедди. Ты не должен шевелиться. Тедди, не шевелись!

Рикки-Тикки поднялся на веранду:

- Повернись, Нагайна, повернись и начни бой.

- Все в свое время, - ответила кобра, не спуская глаз с Тедди. - Я скоро сведу мои счета с тобой. Смотри на своих друзей, Рикки-Тикки. Они не двигаются, они совсем белые, они боятся. Пошевелиться люди не смеют, и, если ты сделаешь еще один шаг, я укушу.

- Посмотри на твои яйца, - сказал Рикки-Тикки, - там на дынной гряде, подле ограды! Проползи туда и взгляни на них, Нагайна.

Большая змея сделала пол-оборота и увидела свое яйцо на веранде.

- Аа-х! Отдай мне его! - сказала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами; его глаза были красны, как кровь.

- Сколько дают за змеиное яйцо? За молодую кобру? За молодую королевскую кобру? За последнюю, за самую последнюю из всего выводка? Там, на дынной гряде, муравьи поедают остальных.

Нагайна повернулась совсем, она все забыла ради своего единственного яйца, и Рикки-Тикки увидел, что отец Тедди протянул свою большую руку, схватил Тедди за плечо, протащил его через маленький стол с чайными чашками, так что мальчик очутился в безопасности и вне досягаемости Нагайны.

– Обманута, обманута, обманута, рикки-так-тчк! – засмеялся Рикки-Тикки. – Мальчик спасен, и это я, я, я ночью поймал Нага в ванной комнате. – И мангуст принялся прыгать на всех своих четырех лапах сразу, опустив голову к полу. – Наг кидал меня во все стороны, но не мог стряхнуть с себя. Он умер раньше, чем большой человек разбил его на две части. Я сделал это, Рикки-Тикки, так-так! Иди же, Нагайна, скорее дерись со мной. Недолго будешь ты вдовой.

Нагайна поняла, что она потеряла удобный случай убить Тедди! К тому же ее яйцо лежало между лапками мангуста.

– Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки, отдай мне последнее из моих яиц, и я уйду отсюда и никогда не вернусь, – сказала она, и ее шея сузилась.

– Да, ты исчезнешь и никогда не вернешься, потому что отправишься на груды мусора, к Нагу. Дерись, вдова! Большой человек пошел за своим ружьем. Дерись!

Глазки Рикки-Тикки походили на раскаленные угли, и он прыгал кругом Нагайны, держась на таком расстоянии, чтобы она не могла укусить его. Нагайна сжалась и сделала прыжок вперед, Рикки-Тикки подскочил в воздух и отпрянул от нее; кобра кинулась снова, опять и опять. Ее голова каждый раз со стуком падала на маты веранды, и змея свертывалась, как часовая пружина. Наконец Рикки-Тикки стал, прыгая, описывать круги, в надежде очутиться позади змеи, и Нагайна извивалась, стараясь держать свою голову против его головы, и шорох ее хвоста по циновке походил на шелест сухих листьев, которые гонит ветер.

Мангуст забыл о яйце. Оно все еще лежало на веранде, и Нагайна приближалась и приближалась к нему. И вот, в ту секунду, когда Рикки-Тикки приостановился, чтобы перевести дух, кобра схватила свое яйцо в рот, повернулась к лестнице, спустилась с веранды и, как стрела, полетела по дорожке; Рикки-Тикки помчался за ней. Когда кобра спасает свою жизнь, она двигается, как ремень бича, изгибами падающий на шею лошади.

Рикки-Тикки знал, что он должен поймать ее, так как в противном случае все начнется сызнова. Нагайна направлялась к высокой траве подле терновника, и, мчась вслед за нею, Рикки-Тикки услышал, что Дарси все еще распевает свою глупую триумфальную песенку. Жена Дарси была умнее своего мужа. Когда Нагайна проносилась мимо ее гнезда, она вылетела из него и захлопала крыльями над головой кобры. Если бы Дарси помог своей подруге и Рикки, они могли бы заставить ее повернуться, но теперь Нагайна только сузила шею и скользнула дальше. Тем не менее короткая остановка дала возможность Рикки подбежать к ней ближе, и, когда кобра опустилась в нору,

составлявшую их жилище с Нагом, его белые зубки схватили ее за хвост и он вместе с ней спустился под землю, хотя очень немногие мангусты, даже самые умные и старые, решаются бросаться за змеей в ее дом. В норе было темно, и Рикки-Тикки не знал, где подземный ход может расшириться и дать возможность Нагайне повернуться и укусить его. Он изо всех сил держался за ее хвост, расставляя свои маленькие ножки, чтобы они служили тормозом, упираясь в черный, горячий, влажный земляной откос.

Трава близ входа в нору перестала качаться, и Дарси заметил:

- Для Рикки-Тикки все окончено. Мы должны спеть песню в честь его смерти. Отважный Рикки-Тикки умер! Конечно, Нагайна убила его под землей.

И он запел очень печальную песню, которую сложил, вдохновленный данной минутой, но, как раз когда певец дошел до самой ее трогательной части, трава снова зашевелилась и показался весь покрытый грязью Рикки-Тикки; шаг за шагом, едва переступая ногами, он вышел из норы и облизнул свои усы. Дарси замолчал с легким восклицанием. Рикки-Тикки стряхнул со своей шерстки часть пыли и чихнул.

- Все кончено, - сказал он. - Вдова никогда больше не выйдет наружу.

Красные муравьи, которые живут между стеблями трав, услышали его замечание, засуетились и один за другим отправились смотреть, правду ли сказал он.

Рикки-Тикки свернулся в траве и заснул. Он спал до конца дня; в этот день мангуст хорошо поработал.

- Теперь, - проснувшись, проговорил зверек, - я вернусь в дом; ты, Дарси, скажи о случившемся птице Меднику, он же по всему саду разгласит о смерти Нагайны.

Медник - птичка, крик которой напоминает удары маленького молотка по медной чашке; он кричит так потому, что служит глашатаем каждого сада в Индии и сообщает вести всем желающим слушать. Когда Рикки-Тикки двинулся по дорожке, он услышал его крик, обозначающий «внимание» и напоминающий звон крошечного обеденного гонга. После этого раздалось: «Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток». И вот все птицы в саду запели, все лягушки принялись квакать; ведь Наг и Нагайна поедали не только птичек, но и лягушек.

Когда Рикки подошел к дому, к нему навстречу вышли Тедди, мать Тедди (она все еще была бледна, так как только что оправилась от обморока) и отец Тедди; они чуть не плакали над мангустом. Вечером он ел все, что ему давали, пока мог есть, и улегся

спать на плече Тедди; когда же мать мальчика поздно ночью пришла взглянуть на своего сына, она увидела Рикки.

– Он спас нам жизнь и спас Тедди, – сказала она своему мужу. – Только подумай, он всех нас избавил от смерти.

Рикки-Тикки внезапно проснулся: мангусты спят очень чутким сном.

– О, это вы, – сказал он. – Чего вы хлопчете? Все кобры убиты; а если бы и не так, я здесь.

Рикки-Тикки мог гордиться; однако он не слишком возгордился и охранял сад, как и подобало мангусту, – зубами и прыжками: и ни одна кобра не решалась больше показываться за садовой оградой.

Данные о сказке

Автор

Редьярд Киплинг

Иллюстратор

Виктория Ватолина

Сказка в подборках

- [Для детей 6-7 лет](#)
- [Про животных](#)
- [Для школьников](#)
- [Редьярд Киплинг](#)